

Редакционная статья**СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ XXI ВЕКА**

Дискуссии вокруг американских планов противоракетной обороны привлекли внимание к еще более важной проблеме – какова природа стратегической стабильности после холодной войны?

В период биполярной конфронтации под стратегической стабильностью фактически понималась способность СССР и США причинить друг другу неприемлемый ущерб в результате ответного удара. Это лишало смысла любую их попытку использовать друг против друга стратегическое оружие первым и делало крайне опасным прямое столкновение обычных вооруженных сил противостоящих сверхдержав и блоков.

Такая природа стратегической стабильности определялась, однако, не наличием у СССР и США мощных ядерных арсеналов, но острейшим политико-идеологическим конфликтом между ними. Каждая из сторон была убеждена и, возможно, не без оснований, что противник развяжет агрессию, как только почувствует себя в безопасности от удара возмездия. В этих условиях договор по ПРО, позволяя сохранить способность к такому удару, действительно, был важным элементом стратегической стабильности.

Но после холодной войны российско-американские отношения претерпели кардинальные изменения. Хотя первоначальные надежды на сотрудничество, перерастающее в более глубокие, вплоть до союзнических, отношения между Россией и США не оправдались, перспектив возрождения прежней бескомпромиссной конфронтации сегодня нет. Это признано высшим политическим руководством двух стран: и президент Путин, и президент Буш неоднократно заявляли, что США и Россия не являются врагами. Но если это так, то требует пересмотра вся традиционная концепция ядерного сдерживания и контроля над вооружениями, основанная на «взаимном гарантированном уничтожении». Сохранение мощного потенциала ответного удара перестает быть альфой и омегой ядерной политики как России, так и США.

Переход к новой стратегической стабильности, соответствующей реальностям XXI века, не может быть простым и одномоментным. Требуется определить спектр дестабилизирующих факторов, которые должны быть нейтрализованы усилиями США, России и других ведущих государств мира. Частично их список ясен. Это – распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, терроризм и организованная преступность, увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми странами. Локальные конфликты в условиях растущей глобализации способны дестабилизировать международную обстановку в широких географических пределах. И потому центр тяжести усилий по обеспечению международной стабильности быстро сдвигается в сторону преодоления этих угроз, хотя эффективные меры в этих областях пока не разработаны. Скорее всего, они будут формироваться как система многосторонних международных институтов, режимов и норм.

Вместе с тем один из важнейших политических уроков последних 15 лет в том, что события, чья вероятность считалась равной нулю, например, объединение Германии и крах Советского Союза осуществились. Следовательно, военно-политическое планирование не может не учитывать самые невероятные сценарии. А потому традиционная компонента стратегической стабильности не может исчезнуть немедленно, хотя ее роль будет сокращаться, по мере того как кардинальные перемены на мировой арене будут осознаваться политическими и военными элитами.

Так, говоря о российско-американских отношениях, один из ведущих американских политиков Сэм Нанн подчеркнул: «Среди жизненно важных интересов национальной безопасности США находится не только обеспечение стратегической стабильности между двумя нашими странами. К таким интересам относится также сотрудничество с Россией для того, чтобы оружие массового уничтожения не появилось бы в руках тех, кто не колеблясь мог бы использовать его против Америки, наших союзников или против России».

К этим словам, на наш взгляд, может присоединиться любой здравомыслящий российский политик. Возможно, последние российско-американские встречи на высшем уровне станут, пусть небольшими, но все же шагами к новой стратегической стабильности. Но ясно и другое. Путь к ней будет долгим и нелегким.